М. В. Силантьева[1]

СПЕЦИФИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Одной из наиболее обсуждаемых тем, связанных с проблемой человека в глобальном мире, является вопрос о специфике информационных технологий, их влиянии на человека и общество. В числе наиболее дискуссионных — вопрос о сетевой коммуникации, то есть о специфике отношений между людьми, строящихся «изнутри» и «вокруг» Сети. Подобное поведение связано со специфическими явлениями, которые сегодня мы можем распознать как риски реализации сетевой идентичности: иллюзией неуязвимости, негативной стереотипизацией других, игнорированием негативной информации, давлением на несогласных и т. д.

Во многих теоретических моделях, описывающих такую коммуникацию, имплицитно предполагается, что сетевое взаимодействие активно влияет на социокультурную идентификацию вступающих в коммуникацию индивидов и групп. Соответственно, рассуждать об идентификационных процессах в связи с этим уместно и даже необходимо. Считается, что сам факт коммуникации неизбежно расставляет специфические акценты в становлении «сетевой идентичности»[2] — феномене, раскрывающем суть самоинтерпретации субъектов, вступающих в сетевую коммуникацию. С таких позиций обычно исследуются те или иные профессиональные сообщества («ученые», «филателисты»); различные лингвокультуры («французы», «испанцы»), а также феномены, связанные с *межкультурной коммуникацией* на платформах сетевых сообществ.

Тема сетевой идентичности, особенно в контексте футурологии, увлекла не только специалистов. Ею заинтересовались также представители творческих профессий, не обошла она стороной и массовое сознание, достаточно вспомнить резонансный фильм Джеймса Понсольдта «Сфера» (2017). В последнем случае одной из специфических черт, привлекающей наибольшее внимание, выступает феномен «прозрачности», характеризующий наиболее «жесткие» модели «сетевого общества» будущего. Так, согласно концепции прозрачного общества американского писателя-фантаста и футуролога Дэвида Брина, повышение степени доступности средств коммуникации и наблюдения, а также способов обработки и хранения информационных данных ставит вопрос о «пределах человеческого» как приватного. «Дорога к открытости» пролегает через интенсификацию потоков информирования людей друг о друге (потенциально — каждого о каждом), что, в частности, позволяет производить «обратное наблюдение», то есть наблюдать за наблюдателями, минимизируя возможность злоупотребления информацией[3]. Согласно Брину, приватность в «прозрачном обществе» не разрушается. Напротив, она поддерживается за счет информационных противотоков: публичное пространство (например, ресторан) дает массу возможностей подслушивать и подглядывать, однако страх всеобщего осуждения в силу невозможности скрыть сами акты подглядывания и подслушивания исключает массовые злоупотребления. Политические проекции открытости выводят к концепции гражданской транспарентности, основанной на внедрении информационных технологий в публичное пространство. Уже сегодня существуют не только добровольные формы прозрачности (о которых ведут речь Лиотар и Брин), но и навязанные извне формы контроля, такие, например, как отслеживание по лицам перемещений в рамках городских, производственных и общественных пространств.

Если посмотреть на мир глазами обывателя, то описанная выше девальвация приватности опирается на внешнее наблюдение, действительно ставшее сегодня нормой повседневности в общественном (гипермаркеты, транспорт, людные улицы) и частном (радио- и видеоняни) пространствах. Вместе с тем к настоящему времени отчетливо определился вектор общественного стремления к демонстрации деталей своей приватной жизни в социальных сетях. По сути, речь идет о трансляции повседневной жизни конкретного человека. Примером может служить популярный в Китае мессенджер WeChat, который объединяет в себе задачи средства коммуникации и основную платежную систему, прозрачную в том числе для контроля со стороны государства. Миф о прозрачном обществе, таким образом, имеет массовое, технически продвинутое и в этом смысле совсем не виртуальное обеспечение. Тем не менее, вопреки прогнозам «Сферы», до воплощения мечты о тотальном контроле граждан все еще далеко.

Между тем точечный дискомфорт из-за повышенной прозрачности частной жизни можно ощущать уже сегодня. О таком дискомфорте не понаслышке знают публичные персоны, причем их количество в наши дни стремительно растет. Если раньше это были политики, известные в своей области специалисты, люди искусства, то сегодня (в том числе благодаря «раскрутке» и блогингу) оформился новый общественный кластер так называемых селебрети — блогеров, моделей и других людей, известных только тем, что они известны (например, благодаря участию в медийных проек-

---

[1] Заведующая кафедрой философии им. А. Ф. Шишкина МГИМО (Университета) МИД России, доктор философских наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Идентичность как коммуникативный проект: „Новые мифологии“ в пространстве современной культуры», «Межкультурная коммуникация в действии», «Национально-культурный миф в условиях современного трансцензуса: философский анализ», «Коммуникация как способ трансляции интернационального опыта локальных культур», «„Другой“ в горизонте свободы (попытка диалога сквозь тусклое стекло стереотипов)», «Проблема «культурных границ» в современном мире: ценностный аспект», «Николай Бердяев о „духах революции“: историко-этические параллели» и др. Член Российского философского общества.

[2] *Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю.* Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2013. № 1. С. 66–83.

[3] *Brin D.* The Transparent Society: Will Technology Force Us to Choose Between Privacy and Freedom? Paperback. N. Y. : Perseus Books, 1996. P. 278–330.

тах, сознательно эпатажного и даже скандального образа жизни и т. д.). Модных блогеров слушают десятки тысяч молодых людей, их открытость предоставляет возможность заработать авторитет (в том числе политический) и/или деньги. В то же время работа с молодежной аудиторией с ее склонностью к подражанию (при высоком уровне психологической диффузности) делает прозрачность медийных персонажей не только ходовым товаром, но и предметом зависти и подражательных действий их аудитории. Возможно, не за горами то время, когда конструирование сетевой идентичности станет профессией, как пиар или «продажа личностей» на черном рынке медийных услуг.

При этом надо понимать: технологии «раскрутки» в Интернете имеют свои естественные границы. Сугубо установочные, не подкрепленные реальными достоинствами проекты здесь могут иметь не одну жизнь, однако и они не вечны. Таким образом, философско-культурологические исследования проблемы лжи в Интернете скоро могут оказаться среди наиболее остро востребованных проблем безопасности, подобно тому, как проблемой безопасности стало сегодня следствие такой лжи — фейковые новости.

Тема обмана в Интернете и подобные ей востребованы в наши дни не только из-за угрозы информационных и гибридных войн. Размывание сетевой идентичности, тенденция ее перерастания в глобальную идентичность наряду с ростом прозрачности вызывают глубинные антропологические изменения. Так, говоря о прозрачности, мы все чаще имеем в виду не личность, а индивидуальность, то есть рассматриваем человека в смысле безликой партикулярности (частичности); подразумеваем человека, *регулярно* переживающего себя как *часть целого* (толпы, массы). Фактически имеет место легитимация человека толпы.

Глобальная сеть, выстраивая коммуникацию по определенной технологической схеме, вырабатывает сходные маркеры сетевого поведения, которые способны полностью нивелировать «обособленность» классических типов (национальную, культурную и пр.): сетевая идентичность легко переключается на заместительные типы референтных групп. Впрочем, их рокировка не позволяет закрепить ни одну из них в качестве базовой. В то же время Сеть не стоит демонизировать: она есть порождение человека и выражает его долгосрочные ориентации, среди которых (возможно, к счастью) есть полярные. Сетевой этикет и даже сетевая мораль не могут полностью исключить из реального (а не виртуального) общения несетевые формы поведения. Насколько им удастся доминировать в новых условиях — вопрос, требующий дополнительного изучения.